

А. К. МАТВЕЕВ

ТЕЗИСЫ О ТОПОНОМАСТИКЕ

1. Топонимика и топонимастика

В научной и учебной литературе неоднократно высказывался взгляд, что топонимика — наука о географических названиях — не часть лингвистики, а особая область знаний, сложившаяся на стыке лингвистики, истории и географии подобно тому, как, например, биофизика возникла на стыке биологии и физики¹. Следствием этого явился вывод, что «топонимист не должен быть лингвистом, или историком, он обязан быть топонимистом»². Однако довольно многочисленная армия исследователей географических названий и поныне не имеет в своих рядах «настоящих» топонимистов: их функции по-прежнему осуществляют те же самые лингвисты, историки, географы. В то же время сама топонимика до сих пор считается не самостоятельной, а вспомогательной наукой³.

Для успешного развития топонимики плодотворное сотрудничество между лингвистами, историками и географами желательно и даже необходимо. Вместе с тем, если мы хотим, чтобы наука о географических названиях занимала достойное место в храме наук, полностью избавилась от своей вечной болезни — дилетантизма, и развивалась не только быстро, но и эффективно, надо рассматривать сущность топонимических разысканий и их задачи, учитывая как степень заинтересованности лингвистики, истории и географии в изучении топонимов, так и исследовательские возможности каждой из этих наук. В такой же мере актуален и

¹ См.: Э. М. Мурзаев. Основные направления топонимических исследований.— Принципы топонимики. М., 1964, стр. 32; В. А. Жучкевич. Топонимика. Минск, 1965, стр. 4—9. (Изд. 2-е — Общая топонимика. Минск, 1968, стр. 7—12); Он же. О методологии топонимических исследований.— В сб.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969, стр. 114—117; Е. М. Поспелов. Топонимика и картография. М., 1971, стр. 3.

² Э. М. Мурзаев и В. А. Никонов. Топонимика сегодня.— «Вопросы географии», № 58. М., 1962, стр. 6; Ср.: В. А. Никонов. Пути топонимического исследования.— Принципы топонимики. М., 1964, стр. 83; Он же: Введение в топонимику. М., 1965, стр. 164—165.

³ Ср.: «Топонимикой называют вспомогательную научную дисциплину, изучающую географические названия».— В. А. Жучкевич. Общая топонимика, стр. 7.

вопрос о правомерности существования топонимики в качестве пограничной науки.

Тезис о том, что топонимика — особая наука на стыке лингвистики, истории и географии, возник не на пустом месте: историки неоднократно высказывали взгляд, что топонимика — историческая наука⁴, а географы относили ее к географическим дисциплинам⁵.

Обоснована ли такая постановка вопроса?

Значение топонимических данных для истории действительно очень велико, и это дает право считать топонимику *вспомогательной* исторической наукой, впрочем, в такой же мере, как антропонимику, этнонимику, вообще всю ономастику и всё историческое языкознание, а также фольклористику, историю литературы и целый ряд других наук. Все эти области знаний поставляют истории важнейшие свидетельства, иногда единственные в своем роде.

Разумеется, историческая интерпретация топонимического материала (как и вообще лингвистического, фольклорного, наконец, филологического в широком смысле слова) имеет свою специфику, но такая его интерпретация выходит за пределы топонимики. В то же время в подавляющем большинстве случаев собственно историческому анализу топонимов должна предшествовать лингвистическая обработка материала. Нередко этого требуют даже самые прозрачные названия. Так, наименования населенных пунктов *Карельское* и *Кареловское* содержат историческую информацию разной значимости, но это можно установить только анализируя их словообразовательную структуру: не исключено, что *Карельское* действительно связано по происхождению непосредственно с этнонимом *карел*, тогда как *Кареловское* указывает лишь на фамилию *Карелов* (ср. названия урочищ *Карельщина* и *Кареловщина*). Что же говорить об изучении субстратных топонимов, как правило, представляющем собой методически сложное лингвистическое исследование?

Итак, допуская, что топонимика может рассматриваться как вспомогательная историческая наука, основанная на достижениях и выводах языкознания, мы не имеем права приравнивать эту науку к палеографии, нумизматике и эпиграфике — наукам вспомогательным как для истории, так и для лингвистики⁶. Во-первых, историкам приносит пользу только небольшая часть топонимического материала, тогда как лингвистов интересуют все географические названия, а во-вторых, топонимика, являясь вспомога-

⁴ Очень четко эта точка зрения выражена в статье С. Б. Веселовского «Топонимика на службе у истории». — «Исторические записки». Вып. 17. М., 1945.

⁵ Ср.: «Топонимикой мы называем ту часть географии, которая занимается вопросами возникновения и эволюции географических названий (топонимов)». — А. В. Маракуев. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины. — «Уч. зап. Казах. ун-та», т. 18, вып. 2, 1954, стр. 29.

⁶ Ср.: В. Ташицкий. Место ономастики среди гуманитарных наук. — ВЯ, 1961, № 2, стр. 7.

тельной исторической дисциплиной, имеет свой предмет исследования как лингвистическая наука: географические названия — часть языка, поэтому топонимика — не вспомогательная лингвистическая наука, а равноправная ветвь ономастики — науки о собственных именах — и шире — всего языкознания.

Против высказанной точки зрения никак не свидетельствуют те далеко не единичные случаи, когда историк может производить квалифицированный лингвистический анализ топонимов и когда в свою очередь лингвистическая обработка фактов получает особенно солидное историческое обоснование: иногда в одном лице совместно сочетаются способности и знания историка и лингвиста.

Тезис, что топонимика — наука географическая, основан на двух заблуждениях: 1) название — элемент не только карты, но и местности, 2) географы и топографы, нанося название на карту, выполняют свои обычные функции, а не работу лингвистов.

Первое из этих заблуждений легко рассеять: название функционирует в языке и только обозначает объект, но не является ни его частью, ни свойством⁷. Именно поэтому в ненаселенных местах топографам приходится самим придумывать топонимы, чтобы не выпускать в свет неудобные для пользования карты без названий — «немые карты».

Второе заблуждение становится очевидным при анализе грубейших топонимических ошибок на топографических картах. Тем не менее, взгляд, что топонимика — наука географическая, находит себе поддержку именно в том чисто внешнем обстоятельстве, что топонимикой *вынуждены* заниматься многочисленные картографы и топографы, которые, независимо от их субъективных устремлений, очень часто делают это весьма неквалифицированно. Однако и прикладная картографическая топонимика, если исключить такие внешние моменты, как правила расположения названий на картах и т. п., является частью лингвистики: установление фонетически правильной формы топонимов, их транскрипция или транслитерация, принципы первоименования и переименования объектов — всё это вопросы прикладной лингвистики, ради экономии средств и по другим подобным соображениям переданные картографам и топографам.

Приводятся и другие аргументы: географические названия нельзя изучать в отрыве от реалий; они — источник ценных сведений для географии, геологии и других естественных наук; их можно картографировать и т. п. Эти положения, однако, никак не свидетельствуют о том, что топонимику следует считать географической наукой.

Во-первых, вся этимология, в том числе и топонимическая, зиждется на знании реалий, поэтому этимолог должен знать (и довольно хорошо!) ту область производства или науки, терминологию которых он исследует в генетическом отношении. Но разве

⁷ См.: В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 26.

это означает, что соответствующие группы терминов должны изучать отраслевые специалисты, например, астроному — астрономы⁸?

Во-вторых, знание географических реалий необязательно при-
суще только тем исследователям, которые имеют специальное гео-
графическое образование. Важно, чтобы топонимист лично побы-
вал на месте и своими глазами увидел объект или получил о нем
надежную информацию: есть географы, путешествующие только
по карте, и лингвисты, полжизни которых прошло в экспедициях.
Впрочем, истинный топонимист — лингвист или географ — никогда
не будет ученым кабинетного типа. Его место в поле.

В-третьих, не при всех видах топонимических исследований
необходимо хорошо знать реалии: фонетический анализ совсем
не требует этого.

В-четвертых, не только топонимические, но и любые лингвисти-
ческие факты можно картографировать, так как каждый из них
имеет свою территориальную характеристику, однако лингвисти-
ческая география не является частью географии⁹.

Единственным сколько-нибудь серьезным основанием для того,
чтобы считать топонимику географической наукой, служит ее зна-
чение для географии. С этой точки зрения топонимика действитель-
но может считаться *вспомогательной* географической дисциплиной,
которая решает в сущности те же задачи, что и топонимика как
вспомогательная историческая наука, только оперирует уже не
историческими, а географическими данными, извлеченными из на-
званий посредством лингвистического анализа. Иное понимание
задач топонимики ошибочно: географ, занимающийся этимологи-
зацией топонимов, думает, что он исследует вопросы географии,
на самом деле все глубже погружаясь в пучины лингвистики.

Сложившийся в последнее время новый взгляд на топонимику
как на пограничную науку на стыке лингвистики, истории и гео-
графии получил обоснование в современной тенденции к созданию
смежных наук. Зарождение той или иной новой науки может быть
связано с открытием или вычленением объекта исследования, с
обнаружением каких-то неизвестных ранее свойств объекта, с
созданием новых методов изучения и т. п. Однако выделение топо-
нимики как пограничной науки не может быть обосновано таким
образом.

Собственные имена (СИ) — *nomina propria* (NP) — суть слова,
поэтому их изучение в качестве одного из атрибутов языка, как
и изучение всех других слов, является предметом и прерогативой
лингвистической науки. Изучение какой-либо части словаря не яв-

⁸ Ср.: А. А. Реформатский. Топономастика как лингвистический факт —
В сб.: Топономастика и транскрипция. М., 1964, стр. 30—31.

⁹ Поэтому во избежание путаницы науку о территориальном распределении
языковых фактов и его законах лучше называть ареальной лингвистикой, а тер-
мином *лингвистическая география* (*лингвистическое картографирование*) обозна-
чать только метод.

ляется непосредственной задачей ни истории, ни географии, которые имеют свои собственные объекты исследования.

Мнение о пограничном положении топонимики оказывается беспочвенным, если рассматривать географические названия как часть ономастики — собственных имен языка, а это делать необходимо, так как нет оснований ни для противопоставления ономастики языку в целом, ни для изъятия географических названий из ономастики: топонимы, как и другие собственные имена, восходят к апеллятивам и обращаются в языке, обладая определенным значением. Постулируя особое положение топонимики, мы будем вынуждены рассматривать и антропонимику как пограничную науку, но уже на стыке лингвистики, истории, этнографии и социологии. Страшно даже подумать о том, что астронимика формируется на стыке лингвистики и астрономии, а зоонимика — на стыке языкознания и зоологии.

Таким образом, признавая, что ономастика — часть лингвистики, и в то же время утверждая, что топонимика (раздел ономастики) — пограничная наука на стыке языкознания, истории и географии, мы допускаем противоречие, которое невозможно разрешить.

Топонимика — такая же полноправная часть ономастики, как, например, антропонимика и зоонимика. Она специфична в некоторых отношениях, но ведь и *все* разряды собственных имен обладают *определенной* спецификой: топонимы — обозначая *географические объекты*, антропонимы — *людей*, зоонимы — *животных*, астронимы — *созвездия, звезды и планеты*. Хорошо известные черты топонимики (множественность, локализованность, устойчивость) делают ее, конечно, своеобразной группой слов, но в рамках ономастики.

Выделение топонимики как науки может происходить только в границах ономастики и лингвистики, а не за их пределами.

Нет и никаких особых исторических и географических методов изучения топонимов как фактов языка. Требование учета исторических связей между народами, изучения памятников письменности (летописей, писцовых книг и т. п.), вообще требование исторического подхода к языковым фактам стало достоянием лингвистики со времен В. Гумбольдта, Я. Гримма, А. Х. Востокова. Лингво-географическое картографирование и сопоставление слов и вещей (реалий) также представляет собою элементарные приемы современной языковедческой и прежде всего этимологической практики, выдвинутые еще в конце XIX — начале XX веков. Все эти методы исследования никак не могут считаться исключительным достоянием топонимики и не выводят ее за пределы лингвистики.

Тезис, что географические названия должны изучаться лингвистическими, историческими и географическими методами в комплексе и что топонимист должен сочетать в себе способности и знания лингвиста, историка и географа, основан прежде всего на ошибочном представлении об одинаковом значении лингвистики,

истории и географии для топонимических исследований. В действительности роль лингвистических познаний в топонимических разысканиях столь велика, что с ней даже трудно сравнивать то, пусть и немалое, значение, которое имеют история и география для изучения географических названий.

Видимость способности историков и географов проводить самостоятельные топонимические исследования, как и видимость правомерности существования топонимики в качестве пограничной науки,— иллюзия, порожденная легкостью получения информации исторического и географического характера в лежащих на поверхности случаях (ср.: деревня *Карельская*, озеро *Смердь*, дорога *Ратная*, поле *Княжье* или озера *Глубокое*, *Ржавое*, *Тухлое*). Иллюзия этой самостоятельности рассыпается в прах при обращении к субстратной топонимике — историку или географу для того, чтобы узнать значение апеллятивов, лежащих в основе названий типа *Мехреньга*, *Покшеньга*, *Яхреньга* (а такие исследования наиболее интересны и важны в топонимике), надо стать лингвистом.

Но не только в этом суть дела. Как уже указывалось, историки и географы извлекают интересную для них информацию лишь из относительно небольшого числа географических названий, для лингвиста же драгоценен каждый топоним: итогом лингвистического исследования географических названий должно стать их полное описание как в синхроническом, так и в диахроническом отношении, историческое же и географическое изучение топонимов имеет перед собою весьма узкую цель — извлечь информацию, полезную для этих наук. Точно таким же путем можно исследовать топонимы и с «геологической», «зоологической», «ботанической» и тому подобных точек зрения.

Посмотрим теперь, какие задачи должна решать пограничная наука топонимики, постулируемая на стыке лингвистики, истории и географии.

Е. М. Поспелов определяет топонимику «как вполне самостоятельную научную дисциплину, занимающуюся всесторонним изучением географических названий»¹⁰, и формулирует ее задачи следующим образом: «Топонимика — наука о географических названиях, об их происхождении, развитии и современном состоянии, об их смысловом значении, лексическом составе, грамматическом оформлении и фонетике, об их написании, произношении и передаче с одного языка на другой. В область топонимики входят также вопросы связанные со сбором названий, их систематизацией и практическим использованием, вопросы первичного наименования географических объектов и их переименования»¹¹.

Не надо быть специалистом по топонимике для того, чтобы убедиться, что ни одна из перечисленных задач не относится к кругу вопросов, исследуемых историей и географией. Все эти зада-

¹⁰ Е. М. Поспелов. Топонимика и картография. М., 1971, стр. 3.

¹¹ Там же.

чи целиком и полностью принадлежат сфере лингвистики и не требуют для своего решения никаких других методов, кроме лингвистических.

Тезис о том, что топонимика — пограничная наука, не приносит пользы развитию науки о географических названиях, так как он оправдывает изъятие топонимики из лингвистики и тем самым способствует развитию дилетантизма. Вслед за В. Ташицким и А. А. Реформатским автор считает топонимику во всех ее аспектах разделом языкознания¹², вместе с тем не исключая существования топонимики как вспомогательной исторической или географической науки в указанном выше смысле.

А. А. Реформатский предлагает следующую схему соотношения задач лингвистики, истории и географии в топонимических исследованиях: географы собирают топонимы и комментируют их географически, лингвисты анализируют и объясняют лингвистически, историки интерпретируют и применяют для истории¹³. Эта схема неудачна: собирать топонимы или по крайней мере руководить их сбором должны прежде всего лингвисты, они же должны объяснять географические названия с точки зрения *лингвистики*, последующие же комментарии — дело историков и географов (а также геологов, зоологов, ботаников, лесоводов и т. д.).

Есть хорошие топонимисты, являющиеся одновременно историками и лингвистами или географами и лингвистами, но то, что топонимические штудии отдельных историков и географов по качеству выше трудов лингвистов — специалистов по ономастике, — не влияет на положение дел в целом: такие работы не перестают быть лингвистическими, несмотря на все исторические и географические аксессуары.

Автор далек от мысли, что ему удастся переубедить многочисленных географов и историков, занимающихся изучением географических названий. Он и не ставил перед собой такую цель, считая, что на настоящем этапе развития топонимической науки необходимы уже не только четкость и искренность постановки вопроса, но и размежевание позиций. Поскольку допускается существование топонимики как вспомогательной исторической и географической науки и постулируется топонимика как пограничная дисциплина на стыке языкознания, истории и географии, правомерно вспомнить о факте существования топонимики как чисто лингвистической науки, соответствующей суровым требованиям языкознания. Есть смысл эту «лингвистическую» топонимику обозначить особым, но достаточно употребительным в СССР и за

¹² В. Ташицкий. Место ономастики среди других гуманитарных наук (особенно стр. 6, 7, 11); А. А. Реформатский. Топономастика как лингвистический факт, стр. 30—34.

¹³ А. А. Реформатский. Топономастика как лингвистический факт, стр. 34.

рубежом термином *топономастика*, используя его не для обозначения всей науки о собственных именах, как это делает А. А. Реформатский (*топономастика* = *ономастика* + *топонимика*)¹⁴, а только для обозначения науки о географических названиях.

Термины *топономастика* (и соответственно *гидрономастика*, *оронوماстика* и т. п.), *антропономастика*, *астрономастика*, *зоономастика* и другие представляются достаточно удобными еще и потому, что они хорошо соотносятся с термином *ономастика*, обозначающим науку о собственных именах вообще.

Что касается получившего в последнее время широкое распространение различия *топонимики* (науки) и *топонимии* (объекта науки), *антропонимики* и *антропонимии* и т. п., то оно представляется неудачным. Во-первых, эти коррелятивные термины не увязываются с термином *ономастика*¹⁵, во-вторых, от них образуются одинаковые прилагательные (*топонимика*, *топонимия* > *топонимический*), что имеет свои неудобства, в-третьих, названия на *-онимия* (*антропонимия*, *топонимия* и т. п.), прилагаемые к определенным совокупностям ономастических фактов, плохо вписываются в ряд *антонимия*, *омонимия*, *синонимия* и т. п., обозначающий сами языковые явления, а не совокупность фактов, называемую терминами на *-онимика* (*омонимика*, *синонимика*)¹⁶. Различие в месте ударения (*синонимийа*, *ню топониймийа*) не столько дифференцирует терминологические ряды, сколько создает дополнительные трудности для усвоения терминов, осложняя запоминание ударения. Всех этих недостатков лишены терминологические пары *топономастика* — *топонимика*, *антропономастика* — *антропонимика* и т. п.

Как бы то ни было, вместо навязывания терминологии¹⁷ следовало бы первоначально обсудить достоинства и недостатки той или иной терминологической системы и дать им возможность показать свои преимущества на практике.

2. Законы топонимики и законы языка

Географическими названиями управляют законы: первый¹⁸, или основной¹⁹ закон топонимики, закон ряда²⁰, закон относи-

¹⁴ А. А. Реформатский. Топономастика как лингвистический факт.

¹⁵ Это слово в нарушении всех терминологических нововведений используется как для обозначения науки, так и для объекта ее изучения.

¹⁶ См. соответствующие словарные статьи в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой. М., 1966.

¹⁷ См. предисловие к сб. «Ономастика Поволжья», стр. 5.

¹⁸ В. А. Никонов. Первый закон топонимики. — Prace onomastyczne 5. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, стр. 103—107.

¹⁹ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 23—28.

²⁰ В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях. — Onomastica, IV, 1. Wrocław — Kraków, 1958, стр. 57—73.

тельной негативности²¹. Для решения вопроса о месте топонимии среди наук существенно, специфичны ли эти законы топонимики.

Чтобы уяснить сущность первого, или основного, закона, лучше обратиться к источнику. Говоря о возникновении географических названий, В. А. Никонов пишет: «Видимая беспорядочная случайность в действительности подчинена строгой исторической закономерности. Она только кажется нам случайностью, пока мы не умеем вскрыть всех ее сложных и противоречивых причин»²².

И далее В. А. Никонов формулирует основные положения первого закона топонимики:

а. «Географическое название — явление общественное. Оно не часть называемого объекта... Связь названия с объектом совсем не такова, как кажется наивному «географическому натурализму»²³.

б. «В топонимии (так! — А. М.) нет заблуждения опасней, чем распространённое представление, будто название «вытекает» из свойств самого объекта. Даже если название указывает на признак объекта, то отбор этого признака продиктован только интересами общества. Название не присуще объекту, оно существует только в обществе и, как каждое социальное явление, всегда подчиняется историческим закономерностям»²⁴.

в. «Поэтому ошибочны и вредны многочисленные попытки сортировать названия «от растений», «от животных», «от почвы», «от истории». Подобная сортировка не вскрывает главного, а наоборот заслоняет его производным, третьестепенным. Историзм не одна из группочек названий, а основа всех названий»²⁵.

В книге «Введение в топонимику» В. А. Никонов повторяет эти положения, только первый закон топонимики назван ее основным законом²⁶.

Итак, первый, или основной, закон топонимики состоит, во-первых, в том, что в процессе номинации господствует «строгая историческая закономерность», подчиняющая «видимую беспорядочную случайность», и поэтому любое название — социальный факт, порожденный этой исторической закономерностью, а во-вторых, в том, что название не «вытекает» из свойств самого объекта, так как отбор признака продиктован только интересами общества, поэтому не обоснованы и семантические классификации.

Что касается первой части этого закона, то в общем виде она, конечно, неоспорима. Однако утверждение, что каждое название по своей природе социально и исторично, относится не только к топонимике. Это — общий закон для всей ономастики и, более

²¹ В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях, стр. 67—71; Он же. Введение в топонимику, стр. 38—42.

²² В. А. Никонов. Первый закон топонимики, стр. 104.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 105.

²⁵ Там же, стр. 106.

²⁶ В. А. Никонов. Введение в топонимику, стр. 23—28.

того, для всего языка, так как любое собственное имя и вообще любое слово есть достояние общества и продукт истории.

Вторая часть закона также приложима не только к географическим названиям, но и ко всем собственным и нарицательным, поскольку и здесь мы имеем дело с общеономастической закономерностью. Однако в формулировках В. А. Никонова не всё ясно. Можно еще допустить, что броское, но неточное слово «вытекает» использовано только для того, чтобы осудить вульгарно-материалистические представления о прямой органической связи между объектом и названием, тем более что сам В. А. Никонов как будто бы не отрицает способности названия указывать на признак объекта. Если это так, то неожиданные нападки В. А. Никонова на семантические классификации топонимов выглядят довольно странно. И уже вообще непонятно, как связаны отбор признака обществом и сама возможность отражения признака.

Вопрос о том, «вытекают» или «не вытекают» названия из свойств объектов, нельзя решать без тщательного изучения принципов номинации. А такое изучение свидетельствует, что названия могут *отражать* свойства объектов, так как носители языка способны адекватно оценивать объекты, выделять их существенные или несущественные признаки и закреплять познанное в актах номинации. Народный опыт в свою очередь апробирует названия, нередко отвергая примитивный рационализм и творческую лихость первопроходцев.

Если рассматривать топонимические факты с точки зрения отражения в них свойств объектов, то оказывается, что в одних случаях название «вытекает» из свойств самого объекта (гора *Меловая*), в других — «не вытекает», так как признак номинации является внешним по отношению к объекту (гора *Убиенная*, где некогда кого-то убили). Только надо иметь в виду, что в каждом отдельном случае речь следует вести об отражении *одного-единственного свойства*, а не всех свойств объекта, поскольку в основу номинации может быть положен лишь один-единственный признак реалии, и совсем не обязательно самый существенный ²⁷.

В таком подходе к вопросу, конечно, нет никакого ущемления принципа историзма, тем более что мы имеем дело не со специфическим, присущим только топонимике, а с общеономастическим и общезыковым явлением, ср., например, отражение признака в названиях рек (*Глубокая, Мелкая, Широкая*), прозвищах людей (*Косой, Кривой, Рыжий*) и кличках лошадей (*Бурко, Гнедко, Чалко*). Человек способен не только выделить дифференцирующий признак, но и отразить его в названии, как это ни огорчительно для противников «географического», «антропологического» и вообще «ономастического» «натурализма». Эта черта топонимики помогает людям осваивать природу, так как является одним из средств упорядочивания топонимической системы в сознании и

²⁷ Топонимы типа Большое Щучье (озеро), Малая Черная (река) вторичны.

идентификации ее с системой объектов на местности, способствуя их освоению, а не затрудняя его. Поэтому изучению семантических типов топонимов у самых разных народов показывает преобладание наименований «от растений», «от животных», «от рыб» и т. п. Этот «географический натурализм» не содержит в себе ничего опасного, если, конечно, не связывать название деревни *Волково с волками*²⁸ и не совершать других элементарных ошибок. Если бы принцип «географического натурализма» был ложен, то географы давно бы бросили изучать топонимику.

Нападки В. А. Никонова на семантические классификации и его призывы обратиться к изучению фонетики и словообразовательных аффиксов не случайны: семантические классификации свидетельствуют в пользу «географического натурализма».

Обратимся теперь ко второму закону топонимики — *закону ряда* в географических названиях, а также к производному от него закону относительной негативности. В. А. Никонов пишет:

а. «Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего понять, что оно возникло не изолированно, и лишь в определенном ряду других названий»²⁹.

б. «Название многопланово. Своими разными гранями оно включено в различные ряды»³⁰.

в. «Оно (название.— А. М.) всегда возникает на пересечении рядов. Найти их — значит определить топонимические «координаты» названия, а тем самым ввести его в конкретно-исторические рамки»³¹.

г. «В сущности, задача любой топонимической работы — проследить ряд (семантический, словообразовательный и т. д.), или, если она посвящена отдельному названию, то установить точку пересечения рядов»³².

Итак, каждое название сопоставимо с различными другими названиями по ряду (словообразовательному, семантическому и т. п.). И далее, В. А. Никонов приводит примеры антонимических топонимов (Большой — Малый, Мокрый — Сухой)³³, говорит о демунитивных парах³⁴, о многочисленных группах (Большой — Средний — Малый)³⁵, о распространении топонимов с одним суффиксом вследствие моды³⁶, о разрывах ряда³⁷, о народной этимологии³⁸ и т. п.

²⁸ В. А. Никонов. Введение в топонимику, стр. 24.

²⁹ В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях, стр. 57.

³⁰ Там же, стр. 61.

³¹ Там же, стр. 62.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 57.

³⁴ Там же, стр. 58.

³⁵ Там же, стр. 59.

³⁶ Там же, стр. 61.

³⁷ Там же, стр. 65.

³⁸ Там же, стр. 66.

Все это, однако, относится не только к области топонимики, но в равной мере и ко всей ономастике и вообще к языку, так как любое слово в языке находится на пересечении различных рядов: семантических, словообразовательных, парадигматических, синтагматических и т. д., причем слова могут покидать одни ряды и втягиваться в другие. Нет ничего удивительного в том, что все эти закономерности, отражающие системные свойства языка ³⁹, фиксируются и в топонимике.

Далее В. А. Никонов пишет:

а. «Среди многих признаков географических названий выступает одна общая для всех них главная черта — их *сравнительность*» ⁴⁰.

б. «Сравнительность — не одна из возможных черт названия, а его доминанта» ⁴¹.

в. «Из сравнительности названий следует их *относительная негативность*» ⁴².

г. «Название не основано непременно на самом распространенном признаке местности, а подчас даже как раз наоборот, на редком, выделяющем данный объект из окружающей среды» ⁴³: «в Казахстане и Средней Азии много названий с нарицательным «колодец» на различных языках. Но такие названия тем реже, чем чаще сами колодцы!» ⁴⁴; «получается как бы негативный снимок рельефа: где горы на местности, там в топонимии их почти нет, и, напротив, в топонимии их больше там, где меньше на местности» ⁴⁵. В. А. Никонов приводит и другие интересные и убедительные примеры относительной негативности.

Итак, частота определенных реалий и частота соответствующих топонимов обратно пропорциональны, и, следовательно, топонимика не только не дает адекватного отражения природных свойств территории, но, наоборот, искажает их — вот объективный смысл закона относительной негативности, ведущего опять-таки к отрицанию «географического натурализма» ⁴⁶.

Тем не менее, именно это понимание относительной негативности соответствует очень интересному, хотя и частному случаю

³⁹ Ср., например: «...каждое слово связано двоякого рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре и значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов...» — Н. В. Крушевский. Очерки науки о языке. Казань, 1883. Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М., 1964, стр. 291.

⁴⁰ В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях, стр. 57.

⁴¹ Там же, стр. 60.

⁴² Там же, стр. 67.

⁴³ Там же, стр. 69.

⁴⁴ Там же, стр. 68.

⁴⁵ Там же, стр. 69.

⁴⁶ См. нашу статью: Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики. — ВЯ, 1965, № 6, стр. 12—13.

топонимической номинации, который, конечно, нельзя абсолютизировать: называнию по случайностям и раритетам ⁴⁷.

Во «Введении в топонимику» В. А. Никонов уточняет свое понимание относительной негативности:

«Из сравнительности названий следует их *относительная негативность*. Топоним различителен; вводя объект в определенный ряд, он одновременно и выделяет его, отличает его от других» ⁴⁸. Примерно так же понимает относительную негативность и Ю. А. Карпенко: «Сущность этого явления заключается в том, что основанием топонима становится обязательно дифференциальный, но вовсе не обязательно самый распространенный признак» ⁴⁹. И далее Ю. А. Карпенко упрекает нас в узком понимании относительной негативности и в ошибочной переформулировке тезиса В. А. Никонова («частота соответствующих реалий и топонимов обратно пропорциональна») ⁵⁰.

О том, насколько точна наша переформулировка, лучше всего судить по высказываниям самого В. А. Никонова (ср. выше: «такие названия тем реже, чем чаще сами колодцы», «где горы на местности, там в топонимии их почти нет» и т. д.). Что касается широкого и узкого понимания относительной негативности, то этот вопрос заслуживает особого рассмотрения. Широкое понимание относительной негативности (название основывается на различительном — дифференциальном — признаке), четко сформулированное В. А. Никоновым во «Введении в топонимику» и Ю. А. Карпенко в его статье о географических терминах, есть столь же неоспоримый, сколь и известный принцип *общей* номинации, против которого никто никогда не возражал: мотивация географических названий, как и любых слов вообще, основывается на *сравнительности* объектов и *дифференциальности* их признаков, однако нет никаких оснований давно известный факт общей ономастологии ⁵¹ зачем-то «по-научному» называть относительной негативностью. Этот термин только путает, тем более что дифференциальность есть не только отрицание, но и наличие. Кроме того, и здесь следует говорить не о топонимической закономерности, а об общем принципе номинации как для собственных имен в целом, так и вообще для всего языка, имеем ли мы дело с образованием новых слов на базе внутренней формы или с использованием апеллятивов в качестве собственных. Назвать гору *Белухой* (за покрытую снегом вершину) — в принципе то же, что назвать человека *Рыжим* или *Седым*, а корову — *Пеструхой* или *Бурённой*. Столь же ярко

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ В. А. Никонов. Введение в топонимику, стр. 38.

⁴⁹ Ю. А. Карпенко. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи). — «Вопросы географии», № 81. М., 1970, стр. 42.

⁵⁰ Там же, стр. 42—43.

⁵¹ Ср.: «...произошло познание посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным». — А. Х. Потебня. Из записок по русской грамматике. Изд. 2-е. Харьков, 1888. Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, стр. 144.

дифференцированность признака обнаруживается и в апеллятивах, например, названиях грибов (*красноголовик, синявка*) или цветов (*белозор, кровохлебка*).

Но дело не только в том, что еще одна общеязыковая закономерность вновь суживается до топонимической.

Относительная негативность в широком смысле, как это правильно подчеркнуто Ю. А. Карпенко, действует в пределах одной микротерритории: «В Архангельской области могут быть тысячи долгих озер, однако для какой-то микротерритории, в каждом конкретном случае различной, этот признак оказывается уникальным, свойственным только одному озеру и не свойственным (поэтому — негативность!) другим»⁵². Между тем «узкое» понимание относительной негативности (т. е. собственно «относительная негативность») порождается как раз интермикрорегиональными сравнениями: «в *Казахстане* и *Средней Азии* (подчеркнуто мной. — А. М.) много названий с нарицательным «колодец» на различных языках»⁵³; «Волга разделяла бывшую *Казанскую губернию* (подчеркнуто мной — А. М.) на высокую «горную» сторону и низменную «луговую», — в горном правобережье только 2 населенных пункта имели в своих названиях нарицательное *гора*, а в низменном левобережье — 18»⁵⁴.

Действительно, в пределах одной микротерритории никогда или почти никогда не встречаются одинаковые названия (дифференциальность), поэтому относительную негативность в узком понимании здесь выявить невозможно, она может проявиться только при выходе за пределы микротерритории, но при этом она перестает быть относительной негативностью в широком смысле, так как утрачивает способность дифференцировать.

Поиск закономерностей в топонимике естествен и необходим. Топонимы, как и вообще собственные имена, — специфический компонент языка, поэтому нельзя отрицать в принципе возможность существования особых «топонимических» или «ономастических» законов. Однако первый (основной) закон топонимики и закон ряда не относятся к числу таковых. Это общие и притом давно известные законы языка, абсолютизированные как специфические законы топонимики. Топономастика изучает топонимику как часть языка, и ей нет нужды вводить новые понятия без надобности.

⁵² Ю. А. Карпенко. Топонимы и географические термины, стр. 43.

⁵³ В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях, стр. 68.

⁵⁴ Там же, стр. 68—69.